
УРАЛЬСКИЙ ТЫЛ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

ЗУБКОВ К.И. (Екатеринбург)

УРАЛ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ СТРАТИГЕМАХ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Стратегическое планирование, охватывавшее в годы Второй мировой войны практически всю мировую сцену, помимо учета текущих военных факторов, включало в себя сложнейшую систему проективных оценок экономических потенциалов, пространственных резервов и коммуникационных возможностей каждой из воюющих сторон. Вследствие этого и внутривосточная региональная структура крупнейших континентальных держав, вовлеченных в войну, также становилась фактором первостепенного значения, придававшим военным планам и решениям определенное направление. С этой точки зрения роль Урала как важнейшего военно-экономического арсенала Советского Союза в борьбе с нацистской Германией далеко не исчерпывала значения этого региона в определении общего течения и исхода войны.

Предпринимая в июне 1941 г. массированное наступление по всей линии западных границ Советского Союза, гитлеровское руководство вынуждено было считаться с фактором его колоссальной территории, граничившей на большом протяжении с целым рядом стран Азии и имевшей непосредственные выходы в моря Тихого, Атлантического и Северного Ледовитого океанов. Поэтому одной из важнейших вспомогательных задач германского наступления было установление плотной транспортной и экономической блокады СССР по всему периметру его границ, превращение огромной державы в изолированное от внешнего мира, замкнутое геополитическое пространство. В подготовительных и уточняющих документах к плану "Барбаросса" ставились, в частности, задачи захвата Шпицбергена как топливной базы советского Северного флота, оказания максимального дипломатического нажима на Турцию, Иран, Афганистан, Маньчжоу-Го и Японию с целью блокирования любых внешних связей СССР¹. Эти установки не изменились и по мере достаточно уверенного продвижения вермахта вглубь советской территории летом — осенью 1941 г. Об этом сообщал Центру в одной из радиogramм в сентябре 1941 г. советский разведчик Ш.Радо: "Немцы планируют отрезать пути сообщения СССР с Англией и Америкой за-

хватом Мурманска и намерены сковать импорт из США через Владивосток путем давления на Японию². Летом 1942 г., в ходе операции "Вундерланд", германские военно-морские силы пытались решить аналогичную задачу — изолировать СССР от союзников не только путем нарушения морских коммуникаций в Мурманск и Архангельск, но и посредством блокирования внутренних и союзнических перевозок с Дальнего Востока по трассе Северного морского пути³.

Это говорило о том, что в оценке упорства и длительности русского сопротивления Гитлер придавал гораздо больше значения возможностям внешнего ресурсного снабжения СССР со стороны Англии и США, чем его внутреннему экономическому потенциалу. Общий взгляд Гитлера и его окружения на эту проблему исходил из предположения о том, что почти весь критический военный потенциал Советского Союза ограничен Украиной, Донбассом, Москвой и Ленинградом и что, защищая эти центры, а также военно-морские базы на Балтике, Красная Армия будет усиленно цепляться за линию Двина — Днепр как за последний возможный рубеж отступления. Таким образом, советское сопротивление должно было быть либо сломлено в первых приграничных сражениях, либо парализовано почти полной утратой военно-индустриального потенциала. Точку в войне предполагалось поставить выходом вермахта на линию Архангельск — Волга и массированными бомбардировками индустриальных очагов на Урале⁴. О том, насколько маргинальной в промышленном отношении величиной считал Гитлер "осколки" советской силы на Урале и в Сибири, свидетельствуют его фантазмагорические идеи создания по линии Архангельск — Астрахань гигантского Восточного вала, призванного защитить германский "новый Восток от среднеазиатских полчищ" не столько в военном, сколько в цивилизационном отношении⁵. Английский военный историк Дж. Гудайер, оценивая эту установку плана "Барбаросса" как крупный стратегический просчет Гитлера, склонен объяснять ее стремлением Германии как можно быстрее получить для прямой эксплуатации и долгосрочного планирования войны богатые ресурсы России. Отрезая себя после 22 июня 1941 г. от ненадежных поставок нефти, зерна и металлов из СССР, германское руководство вступало в "азартную игру" с предельно высокими ставками: либо получить сразу все и немедленно, либо признать в долгосрочном плане свое банкротство⁶. В этих условиях скорость сокрушения Советского Союза приобретала для Германии решающее значение, а весьма иллюзорные представления о

военно-индустриальных ресурсах восточных районов СССР вольно или невольно подыгрывали авантюристическим установкам. В 1941 г. гораздо более трезвые оценки ситуации высказывались германскими военными и дипломатами, в частности, статс-секретарем германского МИД фон Вейцеккером, предостерегавшим нацистское руководство в лице Риббентропа насчет того, что "даже при нашей победе советская система сохранится в Восточной России и Сибири и что весной 1942 г. военные действия возобновятся"⁷. Однако эти позиции, фактически ставившие под сомнение всю стратегию "блицкрига" и вообще целесообразность войны против СССР, не были услышаны.

Для англо-американских союзников Урал, воплощавший стратегическую комбинацию пространственных резервов обороны и военно-индустриального базирования, также являлся важнейшим сценарным элементом и критериальным фактором военного планирования. Военно-политический союз СССР, США и Англии в своей начальной фазе прошел очень трудный период неопределенности, в течение которого Советский Союз должен был доказать свою жизнеспособность и заставить союзников считаться с собой как с серьезным партнером, а не просто воспринимать его как фактор, временно облегчавший их противоборство с Германией. Выражая моральную поддержку борьбе советских людей против германского нашествия, союзники в первые месяцы воздерживались от оказания СССР действенной военно-экономической помощи, скептически относясь к возможности его длительного сопротивления и опасаясь того, что поставляемое Сталину военное снаряжение в конечном счете попадет в руки Гитлера. И это неудивительно — в любых иных условиях масштабы советского отступления, величина людских, военных и экономических потерь могли означать лишь полную военную катастрофу.

В особенности не приходилось рассчитывать на активную поддержку со стороны Англии. Ожидая скорый военный крах Советского Союза, английские правящие круги тем не менее строили свои расчеты на том, что истощение военных сил Германии на восточном фронте будет обеспечиваться поглощением их бескрайними пространствами России. Один из британских военных руководителей генерал Дж.Кеннеди, полагавший, подобно У.Черчиллю, что вступление СССР в войну значительно облегчает положение Англии, считал важнейшей задачей английской дипломатии удержание русских в войне даже ценой затяжного отступления в районы Сибири⁸. Используя этот выигрыш во вре-

мени, связанный с ослаблением германского давления на западе, Англия рассчитывала провести мобилизационное накопление ресурсов и перегруппировку своих сил, в частности, их переброску на Средний Восток, в стратегически важные зоны своих интересов.

В преследовании этой чисто эгоистической позиции, нуждавшейся в оправданиях, англичанам, как и немцам, была свойственна общая недооценка возможностей Урала стать в чрезвычайных условиях новой "осью" советской военной экономики. Выражая подобные настроения, известный английский военный историк Л. Гарт, публиковавший в газете "Дэйли Мэйл" периодические комментарии к текущим военным событиям, писал 12 августа 1941 г.: "Развитие новейших промышленных районов на Урале и за Уралом испытало замечательный прогресс. Но оно едва ли продвинулось настолько далеко, чтобы адекватно восполнить нужды Красной Армии, если более старые районы будут потеряны"⁹. Считая критическим фактором развития военной обстановки удержание советскими войсками левобережья Днепра, историк связывал с этим рубежом обороны решение долгосрочных вопросов английской военной стратегии¹⁰.

Несколько отличной от английской и более дальновидной была позиция американских стратегов. Для США вступление в войну определялось не столько непосредственной угрозой Новому Свету со стороны Германии, сколько опасениями неблагоприятных для них долгосрочных последствий, связанных с нарушением глобального силового равновесия. Возможность интеграции Евразийского континентального массива под эгидой одной, доминирующей в военном отношении державы, в данном случае — Германии, в глобальной перспективе могла означать только одно — концентрацию объединенного силового потенциала Евразии против Америки и ее "удушение" с атлантического и тихоокеанского флангов силами держав "Оси". С этой точки зрения сохранение Советского Союза в качестве военного противовеса Германии и сдерживающего фактора по отношению к Японии естественно включалось в систему стратегических приоритетов США. При этом вопрос о том, до каких пределов можно будет рассчитывать на эту роль Советского Союза, оставался для Ф. Рузвельта и его "команды" решающим, поскольку его курс на поддержку СССР встречал в Америке значительную оппозицию со стороны изоляционистских кругов и должен был найти свое оправдание.

В июле 1941 г. с оценкой ситуации на советско-германском фронте, явно рассчитанной на поддержку ружельтовской позиции в отношении СССР, выступил в печати посол США в Москве Л.Штейнгардт. В интервью американскому корреспонденту, стремясь в какой-то степени умерить беспокойство соотечественников по поводу стремительных военных успехов Германии, посол так охарактеризовал способность Красной Армии к сопротивлению: "Чрезмерно полагать, что Советская Армия в состоянии удерживать в течение неопределенного времени линию Москва — Ленинград — Киев против всей тяжести немецких сил... Но я полагаю, что линию значительно западнее Уральских гор можно будет удерживать"¹¹. Любопытно, что это заявление, более чем оптимистичное на фоне царивших в Англии и США ожиданий скорой гибели СССР, сталинским руководством было расценено как нелояльный шаг по отношению к Советскому Союзу, внушающий американцам сомнения в стойкости советских войск и в необходимости оказания сражающемуся народу военно-экономической помощи. Оправдываясь (и, как оказалось, тщетно), Л.Штейнгардт объяснял свой поступок стремлением убедить американское общественное мнение в обратном — в том, что утрата линии Москва-Ленинград-Киев не будет означать военного разгрома СССР и "что Советский Союз будет иметь другую линию обороны, на которую он отойдет и на которой он будет продолжать драться с врагом"¹².

Признаки решительного перелома в позиции американских стратегов относительно военной состоятельности русского фронта обнаружались уже к августу 1941 г. Упорное сопротивление Красной Армии, о котором доносили органы разведки и дипломатические миссии, оптимистичные впечатления и оценки ситуации побывавшего в Москве личного представителя президента США Г.Гопкинса убеждали, что русский фронт является долговременным и наиболее важным участком противоборства с агрессией нацистской Германии. Как отмечает американский историк Т.Уилсон, на мнение англо-американских союзников относительно прочности советского фронта оказывал серьезное влияние и факт успешной эвакуации жизненно важных промышленных предприятий в восточные районы СССР¹³. Уже 11 сентября 1941 г. в официальном документе, озаглавленном "Мнение Объединенного комитета (начальников штабов — К.З.) относительно производственной программы Соединенных Штатов", среди стратегических приоритетов использования американской военно-экономической помощи выделя-

лось отдельным пунктом "поддержание действующего фронта в России". Симптоматично, что, воздерживаясь от однозначных оценок исхода борьбы на советско-германском фронте, авторы документа все же определенно констатировали: "Если советские войска будут отброшены даже за Уральские горы и если они будут продолжать там организованное сопротивление, всегда будет существовать надежда на окончательное и полное поражение Германии при помощи операций на суше. Надлежащее вооружение русских сил как путем снабжения их оружием извне, так и путем обеспечения производственных мощностей в бассейне реки Волги или к востоку от Уральских гор явится одной из наиболее важных мер, какие могут быть приняты союзными державами"¹⁴. Любопытно, что к этому же времени относится и появление первых достаточно открыто противостоящих позиции Гитлера оценок немецких военных экспертов, которые считали, что Россия сможет сохранить способность к сопротивлению даже если потеряет Москву, Тулу, Курск, Харьков, все металлургические и угольные ресурсы Юга, авиастроительные мощности Горького и нефть Баку¹⁵.

Последующие военные события развивались по гораздо менее пессимистическому сценарию, в том числе благодаря тому, что Урал и другие советские тыловые районы намного быстрее, чем ожидалось союзниками и противниками СССР, перестраивались на военный лад. Однако уже в начальный период войны, еще не развернув в полную силу свои военно-индустриальные мощности, Урал становится одной из важнейших фокусных точек стратегического планирования, предопределявших процесс складывания антигитлеровской коалиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. АМОРТ Ч. План "Барбаросса". (По документам верховного командования вермахта) // История СССР, 1966. № 6. С. 160.
2. РАДО Ш. Под псевдонимом Дора. Воспоминания советского разведчика. М., 1978. С. 100.
3. БАСОВ А.В. Флот в Великой Отечественной войне. 1941—1945 гг.: Опыт оперативно-стратегического применения. М., 1980. С. 83-84.
4. ДАШИЧЕВ В.И. Банкротство стратегии германского фашизма: Ист. очерки. Документы и материалы. М., 1973. Т. 2. С. 86.
5. ПИКЕР Г. Застольные разговоры Гитлера в ставке. Смоленск, 1993. С. 37.
6. GWYER J.M.A. Grand Strategy. Vol.III. Part I. L., 1964. P. 102.
7. БАТЛЕР Дж., ГУАЙЕР Дж. Большая стратегия. Июнь 1941 г. — август 1942 г. М., 1967. С. 74.
8. KENNEDY J. The Business of War. L., 1957., P. 147-148.
9. HART L. This Expanding War. L., 1942. P. 94.
10. Ibid. P. 97.

11. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941—1945: Документы и материалы. Т. 1. М., 1984. С. 75.
12. Там же. С. 76.
13. УИЛСОН Т.А. Во имя интересов Америки: предоставление Советскому Союзу помощи по ленд-лизу //Американский ежегодник. 1988. М., 1988. С. 152.
14. ШЕРВУД Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 1. М., 1958. С. 645-646.
15. GWYER J.M.A. Op.cit. P. 102.

ГАВРИЛОВ Д.В. (Екатеринбург)

УРАЛЬСКИЙ ТЫЛ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Крупные поражения советских войск в первый период Великой Отечественной войны, огромные потери в живой силе и технике, вторжение немецко-фашистских войск вглубь страны, оккупация врагом громаднейшей территории — все это можно назвать настоящей военной катастрофой, естественно вызвавшей поток научных исследований и обширнейшую литературу. Однако несмотря на то, что эта тема дискутируется более пяти десятилетий, до сих пор еще не выявлены до конца характер и масштабы пережитой нашей страной в 1941—1942 гг. трагедии, ее глубинные причины.

Главное внимание публицистов и историков до недавнего времени было обращено на выяснение военно-политических аспектов неудач советской армии в начале войны (внезапность вражеского нападения, просчет Сталина в определении срока нападения гитлеровской Германии, неприведение войск приграничных округов в боевую готовность, их неподготовленность к ведению оборонительных операций, массовые репрессии командного состава Советской армии в 1937—1938 гг. и т.п.). Более глубинные, геополитические причины трагедии 1941—1942 гг. нашей исторической наукой не учитывались, вследствие чего мы еще не осознали по-настоящему всю серьезность опасности, пережитой страной в тот период, и величие подвига нашего народа, сумевшего в результате невероятного напряжения сил остановить врага и одержать победу.

Накануне Великой Отечественной войны почти вся военная промышленность СССР была сосредоточена в Европейской части страны, в полосе между 30 и 40 градусами восточной долготы, в прямоугольнике между линиями Ленинград-Киев на западе и Ярославль-Воронеж-Донбасс на востоке. На этой территории, которую можно назвать военно-промышленным поясом СССР того времени, производилось более 80%